

Причину, по которой он не заметил подмены сразу, заключалась в том, что Сяо И и тот человек были кровно связаны и являлись самыми близкими друг другу существами, находившимися внутри его защитного периметра.

Он думал, что собеседник, возможно, просто стеснялся после того, как тысячелетие не разговаривал с ним, и подыгрывал, притворяясь, будто ничего не замечает. Он даже намеренно каждый день переодевал его в новые наряды, забавляясь над ним. В отличие от своей прямолинейности тысячелетней давности, теперь Сяо И очень легко смущался. Каждый раз, когда тот помогал ему сменить одежду, внешняя оболочка Сяо И слегка краснела и нагревалась, доставляя ему огромное удовольствие от этой игры.

К сожалению, этот период смущения затянулся слишком надолго: прошло уже полмесяца, а тот даже не пытался сам во всём признаться, вынуждая его искать удобный момент, чтобы сорвать маску.

Почувствовав горе и разочарование Ло Чэнжэня, Сяо И в панике замахал своими маленькими лапками, указывая на самого себя и передавая Ло Чэнжэню свою тревогу: «А-Рань, прости, сейчас я не могу говорить и даже не способен принять человеческий облик. Единственное, во что я могу превратиться — это вот такие лапы. Я выгляжу очень уродливо, я...» Ло Чэнжэнь был заядлым любителем красивой внешности: хотя он и не судил людей исключительно по лицу, к прекрасным созданиям всегда испытывал особую симпатию. Чжань Чжой провел рядом с ним тысячу лет и прекрасно знал его характер, поэтому ему совсем не хотелось предстать перед возлюбленным в уродливом виде.

Узнав, что дело оказалось в его собственных предпочтениях, Ло Чэнжэнь страшно расстроился. Сев со скрещенными ногами, он левой рукой поднял Сяо И перед собой, а правой провел указательным пальцем по гладкой скорлупе, успокаивая малыша, и серьезно произнес:

— Ты выглядишь отлично. Посмотри, сколько одежды я для тебя сшил, только и ждал, пока ты проснешься, чтобы примерить ее. К тому же я невероятно хорош собой, а раз в тебе течет моя кровь, ты разделяешь мою жизнь и родился из разделенной со мной души — разве ты можешь быть некрасивым? Сяо И, даже если ты не уверен в себе, хотя бы мне-то доверяй.

Прежде его Сяо И был прекраснейшим из всех созданий, что он встречал, — с самой первой встречи Ло Чэнжэнь не мог отвести от него глаз. И хотя Правила предупреждали, что Сяо И восстанавливает силы и принимает человеческий облик за счет его крови, из-за чего внешность изменится, он верил, что тот никак не сможет стать дурнушкой.

К тому же, учитывая нарциссизм Ло Чэнжэня, даже если бы Чжань Чжой и впрямь навсегда остался обычным яйцом, он все равно считал бы его красивейшим яйцом на свете. Являясь тем же существом, что и Ло Чэнжэнь — по сути, той же душой, лишь лишённой воспоминаний Ло Чэнжэня о его первых нескольких десятках лет, — Чжань Чжой из-за неполноты души страдал нарциссизмом не столь сильно, как Ло Чэнжэнь. Тем не менее, даже несмотря на утешения Ло Чэнжэня, своим нынешним состоянием он оставался крайне недоволен. В его понимании самым красивым был А-Рэнь, а все остальные, кроме А-Рэня, были некрасивы. Он же сейчас в своём яичном обличье и человеком-то считаться не мог.

Впав в уныние, Чжань Чжои вытянул маленькую лапку, обхватил указательный палец Ло Чэнжэня и потёрся о него:

— Я постараюсь поскорее обрести человеческий облик, чтобы А-Рэню не пришлось ждать меня слишком долго.

Подумать только: перед тем тысячелетним сном, когда он был окутан колоссальной энергией и превратился в кокон, скорлупа из этой энергии достигала размеров огромной горы. В итоге же, проснувшись, он обнаружил, что не только внешняя энергетическая оболочка уменьшилась до размеров куриного яйца, но и сам он из-за ограничений энергетического сгустка сжался до размеров ладони, что стало для него тяжелейшим ударом.

К счастью, А-Рэнь постоянно носил его с собой, иначе он просто не представлял, как смириться с таким чудовищным контрастом.

Души их были связаны, и пока один не ставил намеренную преграду, оба отчетливо чувствовали эмоции и мысли друг друга. Ло Чэнжэнь лишь отмахнулся от тревог Чжань Чжои и воодушевленно высказал свое мнение:

— Сяо И, хотя ты и уменьшился в размерах, а твоя сила, кажется, откатилась назад, твоя душа действительно стала цельной. Раньше, когда душа была неполной, твои эмоции почти не колебались — я помню, как в первое время, как бы я ни пытался тебя подразнить, ты даже не злился. А теперь ты вдруг умеешь смущаться, для меня это такой сюрприз!

Особенно те два застенчивых румянца на скорлупе — они же просто до смерти умиляли!

Услышав слова Ло Чэнжэня, Чжань Чжои только сейчас осознал произошедшие с ним перемены. И правда, с его прежним характером его никогда не волновали вопросы красоты и безобразия, а уж чувство стыда было ему и вовсе незнакомо.

Он ведь помнил, как впервые встретил А-Рэня: увязался за ним и следовал по пятам, даже когда А-Рэнь гнал его прочь. Разве был он похож на нынешнего себя, который прячет голову в песок от малейшего смущения?

Ло Чэнжэнь с улыбкой закрыл глаза, лег навзничь и положил Сяо И у самого изголовья. Повернувшись набок, он прижался щекой к яичной скорлупе Чжань Чжои и блаженно улынулся:

— То, что твоя проблема с поврежденной душой решилась — уже величайшее благо. А с принятием человеческого облика мы не будем спешить, у нас полно времени.

Чжань Чжои прижался к лицу Ло Чэнжэня, тихонько хмыкнул и мгновенно погрузился в глубокий сон. Хоть его душа и исцелилась, сейчас она все еще находилась в периоде восстановления, отчего его постоянно клонило в сон.

Ло Чэнжэнь тоже заснул почти сразу же. Раны Чжань Чжои зажили так быстро благодаря тому, что Ло Чэнжэнь по совету Правил изо дня в день вынашивал его своей кровью сердца и магической силой. Из-за этого ему приходилось ежедневно уделять время культивации и высыпаться, иначе сил бы просто не хватило.

На следующее утро, едва проснувшись, Ло Чэнжэнь обнаружил, что в их дом залезли воры! Плод его полугодных трудов, все нефритовые яйца, заполнившие комнату, исчезли! Не осталось ни единого платица, сшитого им собственноручно для этих яиц!

Глядя на пустую комнату, Ло Чэнжэнь чувствовал, как его сердце обливается кровью, и в ярости воскликнул: — Кто тронул мои камни?!

— А-Жэнь... Я прибирался утром и убрал их.

Тягостный голос донесся из-под одеяла. Ло Чэнжэнь проследил за звуком и опустил взгляд: одеяло слегка вздымалось, две маленькие лапки приподнимали его края, являя взору лишь половину гладкой яичной скорлупы. На белоснежной скорлупе Сяо И две черные брови обиженно сошлись на переносице, а огромные глаза тревожно смотрели на Ло Чэнжэня, страшась навлечь на себя его гнев.

Ло Чэнжэнь досадливо взъерошил волосы — он совсем забыл, что Сяо И тоже здесь. Виногато пригнувшись, он легко коснулся пальцем макушки Сяо И, и его щеки на редкость тоже покраснели: — Прости, я забыл, что ты уже проснулся.

Уже тысячелетие никто не смел трогать его вещи, и он позабыл, что раньше все делал сам, а Сяо И лишь прибирал за ним.

Чжань Чжои захлопал глазами и с невинным видом спросил: — А-Жэнь, тебе нравится расставлять их? Может, мне поставить их обратно?

Он ни за что не признался бы Ло Чэнжэню, что нарочно встал посреди ночи и убрал всё, лишь бы эти вещи не мозолили ему глаза.

Ло Чэнжэню, конечно, нравилось расставлять их, иначе он бы не вырезал их все для украшения комнаты. Однако в самом начале он вырезал их лишь потому, что скучал по Сяо И, а раз хозяин вернулся, ему больше не нужно было тосковать по вещам, глядя на них. К тому же он давно заметил, как сильно Сяо И отторгает этот нефрит: в прошлом тот то и дело выбрасывал нефритовый кулон, который он постоянно носил, да еще и норовил растоптать его ногами. Будучи заботливым спутником, он не стал разоблачать партнера в лицо и с беззаботной улыбкой произнес: — Не нужно, пускай лежат убранными, здесь их легко разбить.

Ло Чэнжэнь самовлюбленно подумал, что его собственный Сяо И, когда хитрит, перенял мастерство прямо-таки из его рук — до чего же он милый.

Чжань Чжои решил, что ему удалось отделаться малой кровью, и закивал: — Я хорошенько их спрячу.

Ло Чэнжэнь не стал его разоблачать и с ласковой улыбкой щелкнул по гладкой макушке: — Хорошо.

Получив столь полное доверие от спутника, Чжань Чжои, терзаемый угрызениями совести, снова не удержался и покраснел. Он знал, что его партнер не любит хлопот, и стоит вещам оказаться убранными, как тому станет лень расставлять их заново. Уж он-то спрячет их на совесть — так глубоко, чтобы А-Жэнь вовсе о них забыл!

Успешно проведя своего спутника, Ло Чэнжэнь пребывал в приподнятом настроении и, напевая себе под нос веселый мотивчик, поднялся с постели, чтобы умыться.

Появившись в этом мире полгода назад, он неукоснительно играл роль ленивого, увлеченного странными вещами бездельника, который переложил все заботы на других. Теперь же, когда Чжань Чжои очнулся, у него пропал всякий интерес к резьбе по нефриту, и, закончив утреннюю трапезу, он решил взять Чжань Чжои с собой на прогулку.

Раз уж Сяо И проснулся, он, разумеется, больше не собирался прятать его за пазуху или носить на ладони, как прежде.

Выбрав плотный плащ с пушистым меховым воротником и завязав тесемки, Ло Чэнжэнь протянул руку стоявшему на столе Сяо И, приглашая его: — Куда хочешь отправиться?

Чжань Чжои осторожно ступил на палец Ло Чэнжэня, забрался на ладонь и неторопливо уселся: — Как насчет озера?

Он знал, что А-Жэнь часто тайком сбегал к озеру. Там буйно разрасталась маньчжушахуа, обычные люди считали этот цветок дурным знаком и не приближались туда, так что места лучше и тише не сыскать.

— Идет! — с улыбкой согласился Ло Чэнжэнь. Этот ответ пришелся ему по душе: оба они любили тишину, а для свидания лучшего места и не придумаешь.

Поддерживая Сяо И правой рукой, он посадил его себе на левое плечо. Дождавшись, пока Чжань Чжои устроится поудобнее в меховом воротнике, Ло Чэнжэнь поправил ворот, прикрывая фигурку Сяо И, отворил дверь и вышел в морозный воздух.

Не успел он дойти до ворот двора, как прямо на него стремительно бросился какой-то человек, едва не столкнувшись с ним нос к носу. К счастью, Ло Чэнжэнь вовремя отскочил, предотвратив дорожно-транспортное происшествие.

Заметив, что чуть не врезался в брата, человек сначала рассердился, но, узнав Ло Чэнжэня, поспешно отступил назад и преградил ему путь: — Старший брат, ни свет ни заря, ты куда это собрался?

По многолетней привычке старший брат обычно не вставал раньше полудня, и сегодня, прослышав о столь редком раннем подъеме, он нарочно пришел за наставлениями, чтобы укрепить братские узы — так почему же он застал брата уходящим?

Столкнувшись с прилежным и стремящимся к знаниям младшим братом, Ло Чэнжэнь и глазом не моргнул и с праведным видом изрек: — Погода нынче хорошая, пойду прогуляюсь. Если чего-то не понимаешь — спрашивай дядю Ло, а после полудня я вернусь и устрою тебе проверку, смотри у меня, бездельничать не смей!

Услышав, что старший брат снова отправляется празднично шататься по улицам, Лоу Вэйфэн упрямо попытался отстоять свои права: — Я ведь тоже давно никуда не выбирался, давай пойдем вместе?

Прятавшийся за ухом Ло Чэнжэня Чжань Чжой, услышав это и испугавшись, что Ло Чэнжэнь и впрямь возьмет Лоу Вэйфэна с собой, невольно дернул рукой, так что несколько волосков Ло Чэнжэня выдернулись с корнем, заставив того поморщиться от боли.

Ло Чэнжэнь мысленно взмолился о пощаде: Сяо И, не переживай, я ни за что его не возьму, сегодня только мы вдвоем.

Услышав успокаивающие слова, Чжань Чжой фыркнул и затаился под волосами, не смея больше шелохнуться. Ло Чэнжэнь наконец-то выкроил свободную минуту, чтобы заняться Лоу Вэйфэном. Глядя на его оживленный и радостный вид, он прищурился, с ног до головы окинул парня оценивающим взглядом и сурово произнес:

— Всего несколько дней как поправился, а уже рвешься на улицу на ветру стоять. Ждешь, пока болезнь снова с новой силой ляжет? И вообще, ты уроки на сегодня сделал?

Почувствовав заботу старшего брата, Лоу Вэйфэн и впрямь ощутил тепло от макушки до пят. Ничуть не испугавшись сурового взгляда Ло Чэнжэня, он воодушевленно затараторил:

— Вовсе не холодно, совсем не холодно! Я крепкий, старший брат может за меня не переживать. А уроки я могу сделать и потом, когда вернусь, так что не беспокойся.

Ло Чэнжэнь разочарованно покачал головой:

— Раз ты берешься за дела с таким легкомыслием и не умеешь отличать важное от второстепенного, как я могу со спокойной совестью переложить на тебя все заботы?!

— Вот это...! — Лоу Вэйфэн сейчас больше всего на свете боялся разочарованного взгляда Ло Чэнжэня. Ему безумно хотелось заслужить еще больше одобрения старшего брата, но

перспектива погулять вместе с ним неотступно манила его. Поколебавшись, он робко спросил: — Старший брат — глава семьи, что мне сделается, если я пойду с тобой? Мы же всего на полдня.

Теперь-то он расстался со всеми амбициями и больше не заглядывался на пост главы клана. В конце концов, независимо от того, возглавит он Клан Ло или нет, жизнь его будет сытой и беззаботной. Напротив, должность главы семьи сулит лишь бесконечную суету и каторжный труд, а быть беззаботным вторым господином куда приятнее и выгоднее, чем нести такое бремя.

— Что значит — ничего не сделается? Я здесь глава, а значит, ты должен меня слушаться. Сегодня останешься дома и будешь постигать дела под руководством старого управляющего.

Полномочия правителя существуют для того, чтобы пользоваться ими в свое удовольствие и облегчать себе жизнь.

— А! — Лоу Вэйфэн от такой беспардонности Ло Чэнжэня даже лишился дарха речи и, скроив плачевную физиономию, протянул: — Тогда братец, не забудь принести мне жареную утку из Ванцзи.

Ло Чэнжэнь с довольным видом кивнул:

— Принесу. И нечего дуться на брата за излишнюю строгость. Вот настанет день, когда ты превзойдешь меня и завоеешь всеобщее признание, тогда сам станешь главой, и все заплещут под твою дудку.

У Лоу Вэйфэна мгновенно загорелись глаза. Погасший было боевой дух вспыхнул с новой силой! Старший брат только что сказал, что глава семьи может заставить всех делать то, что он хочет. Значит ли это, что в будущем он тоже сможет командовать братом и заставлять его делать всё, что заблагорассудится?!

Вспомнив, как последние полгода этот самый брат гонял его во все стороны и заставлял работать на износ, Лоу Вэйфэн мысленно возрадовался грядущему реваншу и преисполнился энтузиазма:

— Не сомневайся, старший брат, Вэйфэн тебя не подведет!

На этот раз, даже не дожидаясь, пока его выгонят, Лоу Вэйфэн пулей бросился в кабинет со своими свитками подмышкой, полный решимости грызть гранит науки.

Ло Чэнжэнь поднял глаза к небу и, потирая подбородок, мысленно задал вопрос:

— Сяо И, у меня такое чувство, будто я какой-то злой волк из сказки про Красную Шапочку.

Чжань Чжой придвинулся еще ближе к его уху, прячась за прядями волос от посторонних глаз:

— Ты ведь желаешь ему добра, со временем он поймет твою заботу.

У врагов Лоу Вэйфэна есть дар предвидения. Если Лоу Вэйфэн не поднажмет и не станет усерднее, в будущем он попросту не сможет тягаться с ними и потерпит поражение.

Его А-Жэнь всегда мыслит довольно своеобразно. Другой бы на его месте взял задание и начал гонять подопечного в хвост и в гриву. Но А-Жэнь слишком привык к своеправии: людей, которые ему неприятны, он даже видеть лишний раз не желает, не говоря уж о том, чтобы пачкать о них руки. Из-за этого выполнение поручений частенько затягивалось.

Лоу Вэйфэну, впрочем, повезло: судя по всему, он напомнил А-Жэню его собственного младшего брата, которого тому так и не довелось встретить. Благодаря этому сходству ему перепала особая милость, заставившая А-Жэня взглянуть на него иначе.

К сожалению, даже избавившись от Лоу Вэйфэна в роли помехи, свидание Ло Чэнжэня в этот день все равно сорвалось. Стоило ему выйти на улицу, как он нос к носу столкнулся с шедшим навстречу...

Тан Тан замер на полуслове.

Ло Чэнжэнь, как обычно, кивнул в знак приветствия и неспешно направился к озеру.

Снова оказавшись проигнорированным, Тан Тан почувствовал, как с лица схлынула краска радости, сменившись мертвенной бледностью.

Несколько секунд он в нерешительности смотрел в спину удаляющемуся Ло Чэнжэню, а затем, сжав зубы, со всех ног бросился вперед и преградил ему дорогу.

Стоило пути оказаться отрезанным, как напускное дружелюбие вмиг испарилось с лица Ло Чэнжэня. Сохраняя непроницаемое выражение, он холодно бросил:

— Какая муха укусила молодого господина Тана, раз он вздумал преграждать мне дорогу? Зачем пожаловали?

Прежде Ло Чэнжэнь не позволял себе так бесцеремонно портить отношения с людьми. Но стоило ему столкнуться с тем, кто вызывал у него откровенное омерзение, и если ситуация позволяла не сдерживаться, он непременно делал так, чтобы человек пожалел о самом своем появлении перед ним.

Сегодня Тан Тан облачился в лиловый парчовый халат, подчеркивавший утонченность его правильных черт лица. Столкнувшись со столь недружелюбным приемом, он затянул жалобную песню, а на его бледном лице отразилась глубокая обида:

— Кажется, старший брат затаил на меня какую-то обиду. Не мог бы ты прояснить, в чем

именно я перед тобой провинился?

Стоило Ло Чэнжэню открыто заявить о своем нежелании общаться, как высокомерие собеседника дало трещину — тот стерпел унижение и не ушел. По этому знаку Ло Чэнжэнь сразу понял, что с нынешним Тан Таном сладить будет куда сложнее, чем прежде.

— Провинился? Побойтесь бога, никаких провинностей. Это всё мы, Клановая резиденция Лоу, проявили излишнюю самонадеянность и попытались породниться с вашим Кланом Тан. Лишь пару дней назад до нас дошло, что это были лишь наши несбыточные фантазии.

Помрачнейший Ло Чэнжэнь переложил всю вину на несостоявшуюся помолвку с Тан Цанем. Еще полгода назад этот брак считался решенным делом между обоими кланами. Они даже тайком обговорили всё с главой Тан, но решили пока не афишировать договоренности: во-первых, нужно было держать всё в тайне от Лоу Вэйфэна, а во-вторых, сделка еще не была оформлена окончательно, и лишняя шумиха могла повредить репутации Тан Цаня. Кто же знал, что в конце концов Клан Тан сыграет с ними злую шутку и выставит Клан Ло на посмешище.

Шкура Тан Тана заметно огрубела по сравнению с прошлыми днями. Он по-прежнему стоял на дороге, преграждая Ло Чэнжэню путь, и упорствовал:

— У нашего Клана Тан были веские причины на то поступки, и я ждал здесь старшего брата именно для того, чтобы во всем разобраться. Нельзя ли нам присесть где-нибудь? Удели мне немного времени, я хочу объясниться с глазу на глаз.

— Присесть? Извольте, я не настроен вести беседы за чашкой чая. Можешь выкладывать свои оправдания прямо здесь и сейчас, а я посмотрю, какие такие веские причины у вас были!

Ло Чэнжэнь с презрительным взмахом широкого рукава обошел Тан Тана и продолжил свой путь. Почуввав, что сегодняшний Тан Тан изменился и в нем появилась какая-то несвойственная прежде решимость, он понял, что если откатить назад, этот назойливый тип так просто от него не отстанет. Ло Чэнжэнь терпеть не мог лишних хлопот, но раз уж проблему можно было уладить парой слов, стоило выслушать собеседника.

К тому же, Тан Тан отличался импульсивностью и совершал поступки, не задумываясь о последствиях. Устрой он сцену в многолюдном месте, разгребать потом эти последствия было бы себе дороже. Ло Чэнжэнь высоко ценил собственную боевую мощь и не боялся никаких интриг, так что пусть плетется следом, если хочет.

Вот только сегодняшний день свидания был безнадежно испорчен — придется перенести его на другой раз и восполнить упущенное вместе с Сяо И.

Тан Тан закусил посиневшие губы, растер руки, озябшие до полного онемения, и поспешил следом.

Заприметив знакомую фигуру из окон чайной, он впопыхах выбежал наружу, забыв прихватить верхнее одеяние, а потом еще и сделал крюк, чтобы подстроить случайную встречу. Немудрено, что он продрог до костей.

Его охватил животный страх. Впервые он не мог заглушить голос разума: его Вэйнин изменился. Вспомните, как полгода назад Лоу Вэйфэн кутался в заботу о нем — заметив, что он без верхней одежды, тот немедленно с плеч собственных сымал накидку, чтобы укутать мерзнувшего возлюбленного. Сегодня же этот человек вел себя так, будто в упор не замечал его замерзшего вида, словно один лишь взгляд на него был для него в тягость.

Ло Чэнжэнь шагал быстро, ничуть не подстраиваясь под спутника. От ходьбы озябшее тело Тан Тана немного согрелось, но ледяной встречный ветер вновь возымел свое. Холод взял верх над скудным теплом, заставив несчастного забиться в крупной дрожи, а его губы приобрели нездоровый синюшный оттенок.

«Ну и зануда, — думал про себя Ло Чэнжэнь. — Есть что сказать — говори прямо, нечего тратить мое время, это же равносильно убийству ради наживы!» Однако пока они дошли до озера, он так и не услышал ни единого слова — до его слуха доносилось лишь непрекращающееся стучание зубов.

В разгар суровой зимы берега озера пестрели сочной зеленью листьев Маньчжушахуа. Они буйно зеленились, привнося нотку живого дыхания в этот пустынный и мрачный зимний пейзаж.

Столь живописная гладь воды и сочные берега сами по себе радовали глаз, но присутствие неприятного человека напрочь убивало всё очарование. Ло Чэнжэнь остановился с крайне недовольным выражением лица, чувствуя, что его терпение иссякло:

— Если тебе нечего сказать, возвращайся назад! И сделай одолжение, больше не попадайся мне на глаза — видеть тебя не хочу.

Получив очередную порцию безжалостных ударов по самолюбию, Тан Тан почувствовал, как в голове у него зазвенело от пустоты. Он поднял взгляд на знакомое по воспоминаниям прекрасное лицо и, судорожно протянув руки, попытался ухватиться хоть за что-то:

— Я... люблю... тебя...!

Ло Чэнжэнь нахмурился. Разве тот не собирался объяснять причины вынужденного замужества сестры? С какого перепугу он завел совсем другую пластинку? С каких это пор признания в любви стали универсальной отмычкой на все случаи жизни?

Если бы на его месте оказался настоящий Лоу Вэйфэн, он бы, скорее всего, подыграл этому спектаклю, чтобы в самый сладкий для жертвы момент нанести ей сокрушительный удар. Однако Ло Чэнжэнь не собирался марать руки подобными глупостями — что о нем после этого подумал бы Сяо И?

Стоя под исступленным, полным надежды взглядом утопающего, ухватившегося за соломинку, Ло Чэнжэнь напустил на себя непроницаемый вид и произнес самые жестокие слова:

— Прошу прощения, но ты мне не нравишься!

Тан Тан наотрез отказывался верить услышанному. Воспоминания о прошлой страсти и преданности жгли память, а слова отказа пронзали сердце острой, невыносимой болью:

— Нет... я не верю! Вэйнин, ты ведь что-то не так понял. Я знаю, что ты меня любишь, и я наконец-то всё осознал — я ведь тоже люблю тебя! Давай забудем прошлое и начнем всё сначала, хорошо?

«Очередной безумец», — раздраженно подумал Ло Чэнжэнь и снова нахмурился:

— Никакого начала никогда не было. Если у тебя с головой не в порядке, сходи к врачу. И ради всего святого, перестань меня любить. Подобное внимание от молодого господина Тана мне не по силам вынести, так и помереть раньше времени недолго!

Упоминание о преждевременной смерти явно задело самую уязвимую струну в душе Тан Тана. Ему почудилось, будто он снова видит тот самый полный неверия и отчаяния взгляд умирающего Лоу Вэйфэна из прошлой жизни.

— Не смотри на меня так! Не смотри на меня этим ледяным взглядом! Я уже понял, в чем был неправ, я ведь люблю тебя! — попытался он торопливо оправдаться, моля о прощении, но в голове внезапно помутилось, ноги подкосились, и он, потеряв сознание, бесчувственной куклой осел на землю.

Ло Чэнжэнь с брезгливой гримасой отступил на пару шагов назад, уворачиваясь от падающего тела, и позволил Тан Тану рухнуть прямо на дорожку.

<http://bllate.org/book/21674/2235992>